“AUTOCRACY OF THE PEOPLE”: FROM “PEOPLE’S WILL” TO BOLSHEVIKS. LEO TIKHOMIROV – GEORGY PLEKHANOV – VLADINIR LENIN – JOSEPH STALIN

Aleksey V. Nikandrov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Пусть роковой удар, пример грядущих дней,
Заставит вас дрожать, клевреты королей!
Пусть он приучит вас, принудит, наконец,
Самодержавного народа чтить венец!
(Песни Первой французской революции).

Je ne suis ni le courtisan, ni le modérateur, ni le tribun,
ni le défenseur du peuple!
Je suis peuple moi-même!”
(Robespierre).

“Levez-vous donc, peuple souverain!”
(Marat).

Единый руководящий принцип Советского государства

Когда в «Политике» Аристотель подвергает критическому разбору платоновские зарисовки идеального полиса («Государство») и конструкции «проекта Сократа» («Законы»), главное, что не устраивает его, и что для него невыносимо, – это то, что его великий учитель основывает свои «словесные строения» рисуемого или конструируемого полиса на одном, едином руководящем принципе. Для Каллиполиса это принцип философов-правителей (или временами одного философа-царя), для Эвномополиса это законы. Единственность основного принципа у Платона неразрывно связана с единством того или иного государства. «Ясно, – выносит свой вердикт Аристотель, – что государство при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством»[1]. – И далее: «Коренную ошибку проекта Сократа должно усматривать в неправильности его основной предпосылки. Дело в том, что следует требовать относительного, а не абсолютного единства как семьи, так и государства. Если это единство зайдет слишком далеко, то и само государство будет уничтожено…»[2].

Советское государство было государством вполне платоновским, и аналогий можно предложить (в порядке интеллектуальной scholē, конечно)

[1] *Аристотель.* Соч.: В 4. т. Т. 4. М., 1984. С. 404. (Политика, 1262a15).
[2] Там же. С. 412. (Политика, 1263b30).

немало: тут и царь-философ (точнее, даже два царя-философа, а еще точнее, партия как коллективный царь-философ с созерцателем или обладателем высшего знания вечных истин во главе), и неизменные политико-интеллектуальные принципы (умный мир марксизма-ленинизма, или «советская идеология»), и Ночное собрание, и стражи. Не сложно сказать, на какой полис – Каллиполис или Эвномополис – в большей степени похож СССР: конечно, сильнейший образ царей-философов требует решить дело в пользу идеального полиса из «Государства»; но не менее сильный образ «благородного тирана» (gennaios turannos), являющегося «главным законодателем», может склонить к полису из «Законов». Однако законы не определяли жизнь СССР, а сами создавались и определялись партией, совсем как в идеальном полисе «Государства», где, как известно, не было никаких правил, алгоритмов, *норм*, поставленных выше правительствующих философов, а все «властные» решения принимались философами-царями ситуативно. Но важнее всего сам «единый руководящий принцип», которым определялось всё остальное в жизни государства – строй, режим, устройство, законы. Под единым руководящим принципом имеется в виду высший, открыто и торжественно провозглашаемый, вроде блага/единого Платона, принцип конкретного государства, не обязательно реально существующего или существовавшего, который определяет все главные (форма государства, режим и пр.) и в конечном счете второстепенные атрибуты. – «И если кто спросит, – говорит Сталин, – как же у вас нет ничего вечного? Сегодня одно, а завтра другое. Как же жить?»[3]. Нельзя не вспомнить ироничный пассаж о Сталине из «Опиума интеллектуалов» Раймона Арона: «Императоры часто бывали поэтами или мыслителями, но впервые император властвует как диалектик, толкователь учения и истории»[4].

В жизни СССР таких принципов было всего два, последовательно сменяющих друг друга, причем второй сменяет первый в результате его эволюционного развития до высшей ступени: «диктатура пролетариата» (1-я программа РСДРП, 1903 г., часть «минимум», в перспективе); 2-я программа РКП(б), 1918 г., в действии) и «общенародное государство» (3-я программа КПСС, 1961 г., на основе проекта программы ВКП(б) 1947 г.). Их разрабатывала, принимала и проводила в жизнь советская «коллегия царей-философов», т.е. Коммунистическая партия, в программе которой и провозглашался тот или иной исходный принцип. Партия была создателем СССР сначала в идее, затем на деле, «в камне и железе», – и поэтому вполне логично, что ее программа была главным документом, своего рода «идеальным планом» (в платоновском смысле) нашей страны, исходным, уставным документом, на основе которого писались конституции, создавались законы.

---

[3] «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931-1956. М., 2014. С. 463.

[4] *Арон Р.* Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 210.

Появление концептов множественности (многопартийность, плюрализм, т.е. полиидеологичность, и пр.) в политическом дискурсе стало знаком того, что время жизни сверхдержавы подошло к концу. Проникновение же этой волны в программу партии стало уже симптомом того, что история партии, а значит и история СССР, завершается: имеется в виду несостоявшаяся 4-я программа КПСС, разрабатывавшаяся в 1991 г. при концептуальном лидерстве академика И.Т. Фролова и официальном руководстве М.С. Горбачева. Этот проект программы партии был проектом ликвидации партии. Сложно представить, сколько длилась и к чему привела бы агония партии. По странному стечению обстоятельств и, видимо, по милосердию истории, фроловский проект не был доведен до конца. Платоновско-ленинско-сталинская «партия философов», это удивительное творение истории, ушла из исторической жизни способом, куда как более подобающим философу, прервав свою жизнь по приказу тирана.

У двух названных «единых руководящих принципов» партии и Советского государства был один идейно-концептуальный исток, «протопринцип». И «диктатура пролетариата», и «всенародное/общенародное государство» были идейным развитием, эманациями именно этого протопринципа, который называется «самодержавие народа» и появляется в 1-й программе РСДРП. Российские социал-демократы заимствуют его из идейно-политического багажа народовольцев, первыми написавшими это энергичное, по-руссоистски противоречивое и загадочное словосочетание на своих знаменах. Концепт «самодержавие народа» стоит между самодержавной Россией и Россией Советской, как бы связывая воедино, казалось бы, разорванную историю страны. Отсюда и его смысловая полипотенциальность: «самодержавие народа» сближается и с прошлым, т.е. с «самодержавием царя» (как энтелехии народа, как сверхличности, благодаря которой народ только и может быть един); и с будущим, т.е. с «диктатурой пролетариата» (самодержавие – временная диктатура, народ же легко сводится сначала к «пролетариату и крестьянству», затем к одному только пролетариату), и затем – со всенародным государством (единство народа в государстве, государство народа-суверена, самодержавного народа). В концепте «всенародное/общенародное государство» советская политическая мысль возвращается к народническим и в конечном счете к славянофильским истокам.

«Самодержавие народа» в 1-й программе РСДРП

Формулировка «самодержавие народа» появляется в 1-й программе РСДРП, принятой на ее II съезде (1903). Первоначальный проект программы составлялся Г.В. Плехановым в январе 1902 г. В этом тексте постановка такая: «…Русские социал-демократы ставят своей ближайшей политической задачей низвержение *монархии* и замену ее республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей: 1. *Самодержавие народа*, т.е. сосредоточение всей верховной власти в руках законодательного

собрания, составленного из народных представителей…»[5]. Известны яростные споры о программе партии между Плехановым и Лениным, тематика которых простиралась от сугубо концептуальных моментов до вопросов стиля (немаловажных, надо сказать, для программы вопросов), однако концепт «самодержавие народа» в этой полемике не фигурировал, и бескомпромиссные контестанты на этой почве не сталкивались. Окончательный текст программы, принятой на II съезде, в интересующей нас части гласит: РСДРП «ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его *демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы*: 1. Самодержавие народа, т.е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа *и образующего одну палату*…»[6]. – «Монархия» заменена на «царское самодержавие», риторически оттеняющее «самодержавие народа»; по предложению Л.Д. Троцкого «законодательное собрание» определено как однопалатное. Текст представляет собой некоторую тавтологию: выставляемая форма государства после свержения монархии – демократическая республика, сущностью которой является «самодержавие народа», которое есть не что иное, как опять-таки демократическая республика. Составители могли бы обойтись и без «самодержавия народа», однако текст и его история показывают, что они настаивали на этой формуле.

Нельзя сказать, чтобы неожиданный концепт «самодержавие народа» не вызвал внимания и критики: марксистская риторика к тому времени совершенно вытеснила народническую и почти заменила народовольческую, так что терминологический реликт насторожил некоторых социал-демократов. К.М. Тахтарев (Страхов), предлагал заменить «самодержавие народа» словами «верховенство народа», обосновывая это тем, что речь идет «о самодержавии парламента или, вернее, о верховенстве народа при посредстве самодержавия парламента. Поэтому термин “самодержавие народа” в применении к данному случаю является неудачным и юридически неправильным»[7]. Он справедливо утверждал, что «формулировка Плеханова “народное самодержавие” неудобна, – отдает народничеством»[8]. Концепт звучал явно немарксистски, если не *анти*марксистски, и это при том, что продвигался двумя политиками, которые позиционировали себя как марксисты par excellence. В самом деле, если «самодержавие народа» отождествляется с демократией, демократической республикой – не вполне ясно, к чему вообще вводить народнически звучащий концепт, «умножая сущности» столь неординарным образом.

---

[5] Ленинский сборник-II / Институт Ленина при ЦК РКП(б); под. ред. Л.Б. Каменева. Изд. 3-е. М.; Л., 1924. С. 18-19.
[6] Там же. С. 164.
[7] Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 года. Протоколы / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1959. С. 179.
[8] Там же. С. 254.

Другие участники съезда также не преминули отметить тот факт, что концепт контрастирует с марксистским общественно-политическим «фоном», однако в скором времени «самодержавие народа» стало вполне привычным элементом партийной риторики, сблизившись по значению с демократической республикой, став по сути ее возвышенным синонимом. Так, в большевистских листовках революционных 1905-1907 гг. провозглашается требование «немедленного созыва *учредительного собрания* из представителей всего народа на основе *всеобщего, прямого, равного и тайного* голосования, для учреждения *демократической республики*, для замены самодержавия царя самодержавием народа»[9]. Концепты «демократическая республика», «свободное народное правление», «самодержавие народа», «народное самодержавие» используются в смысловом отношении как взаимозаменяемые лозунги, зовущие «народ» к свержению царя: «Подымайтесь, товарищи, скорее на борьбу с ближайшим врагом – самодержавием царя. Нам необходимо заменить его самодержавием народа»[10].

Концепт стал настолько привычным, что сам К.М. Тахтарев в работе 1907 г. пользуется им значительно чаще, чем понятиями, которые заменяются этим термином (прямая демократия, прямое народное законодательство, полное самоуправление граждан). В собственном смысле, согласно Тахтареву, самодержавие народа является политической ступенью для социализма и одновременно результатом социалистической революции: «Без достижения самодержавия народа социализм невозможен. Без социализма самодержавие народа не может быть фактическим самодержавием трудящихся»[11]. Именно поэтому, утверждает он, «вся политическая теория пролетариата находит себе полное выражение в двух простых, но многозначащих словах: *“Самодержавие народа”*»[12]. – Звучит несколько странно, ведь «политическая теория пролетариата» свое «полное выражение» находит в двух других, куда как более «многозначащих» словах – *диктатура пролетариата*.

Что касается В.И. Ленина, его цель в поддержке плехановского концепта представляется вполне ясной. Главное, что привлекало его в этом многозначном и довольно размытом по смыслу концепте, это необычно широкие возможности реконцептуализации в самых разных ключах и направлениях. О довольно простом развороте в «диктатуру пролетариата» уже было сказано; сверх того, следует добавить эффективность в антисамодержавной риторике: квазируссоистский лозунг «самодержавие народа» мощно противопоставлялся «самодержавию царя» (что хорошо просматривается в «Листовках московских большевиков»). Вообще, эта

[9] Листовки московских большевиков в период Первой русской революции / Ин-т истории партии МК и МГК КПСС. М., 1955. С. 127.
[10] Там же. С. 141.
[11] *Тахтарев К.М.* От представительства к народовластию. К изучению новейших стремлений политического развития современного общества. М., 2015. С. 226.
[12] Там же. С. 216.

удачно сконструированная бинарная формула легко меняет смысл при усилении одного и нивелировании другого компонента: усиливая «народ», получаем бунт, революцию (народ без царя!), буйную риторику People souverain Великой Французской революции; усиливая «самодержавие» – получаем формулу с ярким этатистским звучанием; балансируя между крайними точками – получаем демократическую республику. Прекрасно владея словом, Ленин видел самые разные потенции необычного концепта, высвечивающиеся при изменении оптики, политического ракурса. Немаловажным моментом было и то, что концептом «самодержавие народа» легко можно было оттенить или замаскировать вожделенную большевиками «диктатуру пролетариата».

«Мы имеем в своем распоряжении *только слово*»[13]. Чтобы оценить ленинское отношение к работе с языком, надо иметь в виду, что слово для него было оружием: концепции и концепты, теории и категории – все это оценивалось им по эффективности в борьбе, а не по какому-либо иному критерию (напр., по соответствию марксистской ортодоксии). Так, для борьбы с самодержавием в 1905-1907 гг. Ленин в своей «концептуальной артиллерии» использовал *одновременно* три «ударных концепта» – «гегемония пролетариата», «самодержавие народа» и «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (последний явно навеян якобинским «временным революционным порядком управления»). Мастер слова, «слова-оружия», Ленин был очень талантлив и находчив в тех случаях, где слово значит так много и где нужно использовать всю мощь, содержащуюся в нем. Но вот найти нужно слово – тут Ильич не всегда был первым. «Самодержавие народа» – это *находка* Г.В. Плеханова.

«Самодержавие народа» в манифесте «Чего нам ждать от революции?» Л.А. Тихомирова

Где же находит столь необычную, обладающую такими разнонаправленными концептуальными возможностями политическую формулу Плеханов? Русский марксист вводит в проект программы концепт, с которым познакомился при критическом разборе в своей работе «Наши разногласия» (1884) довольно влиятельного текста – агитационно-политического произведения Л.А. Тихомирова (1884), которое в свою очередь было своеобразным ответом на плехановскую же работу «Социализм и политическая борьба» (1883), являющуюся крупным манифестом его идеологического похода против народников и народовольцев.

Статья-манифест «Чего нам ждать от революции?», как пишут А.В. Репников и О.А. Милевский, «содержала мощный заряд критики против тезиса представителей марксистского социалистического крыла о неизбежности прохождения Россией капиталистической стадии развития по образу и подобию европейских государств»; а «ближайшей задачей партии в статье “Чего нам ждать от революции?” ставился политический переворот с

[13] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. М., 1969. С. 255.

целью передачи власти Учредительному собранию»[14]. Именно в этом произведении Тихомиров проявляет себя не только как идеолог «Народной воли», но и как глубокий политический мыслитель, закладывающий основы той теории верховной власти, которая будет представлена в его творчестве в будущем. В скрытом виде и в работе 1884 г., и в ряде документов «Народной воли», написанных с его участием, а то и лично им, уже содержатся идеи, которые будут им развиты в философско-политических трактатах «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897) и «Монархическая государственность» (1905).

Тихомиров, согласно анализу Плеханова, исходит из того, что «верховная власть, по воззрениям народа, есть представительство общенародное, а отнюдь не классовое»[15]. Уже на этапе споров о толковании названия революционного союза («Народная воля») Тихомиров определял *народную волю*, или *волю народа*, – именно как *«власть народа»*[16]. Из этого, по убеждению интеллектуального лидера «Народной воли», вытекал тезис о том, что временное правительство, учрежденное после захвата власти, своей целью имеет лишь «организацию народа» с тем, чтобы высвободить творческие силы, заключенные в нем. Иначе говоря, цель «Народной воли» – помочь «народному самодержавию» освободиться от гнета «самодержавия царя» и выступить на арене истории «от своего лица».

Народ – первоисточник власти (и этому постулату Тихомиров, по его собственному признанию, «горячий поклонник Руссо»[17], не изменит); а русскому народу, полагал в народовольческие годы Тихомиров, близка верховная власть, именуемая им «самодержавием народа» и трактуемая в стиле Руссо как «власть народа» (а этот постулат будет подвергнут глубокой переработке). Ведущий идеолог «Народной воли» выдвигает «народное самодержавие» в качестве принципа грядущего после уничтожения «самодержавия царя» устройства российского государства: «Масса народа, сила громадная – каждый раз когда она сплочена, выдвинет и поддержит только такой строй, в котором будут осуществляться главные основы его миросозерцания: народное самодержавие в государственных отношениях, и организация земельных отношений на основании общенародного права на землю. В этом смысле *захват власти* социально-революционной партией вовсе не представляется ни фантастичным, ни бесплодным»[18].

Пассаж из тихомировской работы – отнюдь не первый случай употребления выражений «народное самодержавие» (или «самодержавие народа») народовольцами, использовавшими концепт-образ «народа-суверена» / «суверенного народа» (souveraineté du peuple) из лексикона Ж.-Ж. Руссо, потом – М. Робеспьера («Я не трибун, не защитник народа; я сам

---

[14] *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 169.
[15] *Плеханов Г.В.* Соч. Т. II. М.; Пг., 1923. С. 282.
[16] См.: *Волк С.С.* Народная воля. 1879-1882. М.; Л., 1966. С. 97-98.
[17] *Тихомиров Л.* Воспоминания. М., 2003. С. 189.
[18] *Тихомиров Л.* Чего нам ждать от революции? (Отдельный оттиск из № 2 «Вестн. Народной Воли»). СПб., 1885. С. 22.

народ!) и Ж.-П. Марата («Восстань же, народ-суверен!»), скорректированный применительно к российским реалиям в «самодержавный народ», в качестве ударного революционного антимонархического лозунга (собственно, так, как он у Руссо и *сконструирован*), наряду с концептами этого ряда – «народовластие», «власть народа» и пр. Мы встречаем этот концепт в народовольческих документах, написанных, как уже было подчеркнуто, при участии Тихомирова, если не им лично, начиная прямо с 1879 г., в точно таком же значении, – как *власть народа*, изначально ему принадлежащая, которую он вырывает силою обратно у самодержавного царя и энергично отстаивает. В одном из документов «Народной воли» от 1882 г. цель организации определяется как «Народоправление, переход верховной власти в руки народа. Задача партии – способствовать переходу и упрочению верховной власти в руках народа. <…> Решено было начать борьбу с правительством, отрицающим идею Народовластия безусловно и всецело»[19].

Впервые о «народном самодержавии» читаем в прокламации Исполнительного комитета «Народной воли» по поводу покушения на царский поезд в ноябре 1879 г.: «Александр II – главный представитель узурпации народного самодержавия…»[20]. Нередко «народное самодержавие» упоминается и в последующие годы: так, в одном из сообщений ИК от 1880 г. автор, говоря о «превращении масс в *сознательную политическую силу*», продолжает так: «Вот почему мы постоянно говорили о *передачи власти народу*, о народной воле, о народном самодержавии»[21]. «Самодержавие народа» противопоставляется «самодержавию царя» и утверждается как необходимое условие для социализма: «…Все, что разрушает самодержавие царя, ведет у нас роковым образом к выступлению на политическое поприще народных масс, ведет к самодержавию народа. Народное же самодержавие – это прямой предшественник социализма, потому что только в социализме масса народа находит одновременное осуществление своего экономического интереса и своей свободы»[22]. Таким образом, эта яркая идея проводилась в документах народовольцев достаточно настойчиво и энергично. Использовались также понятия «народовластие, «власть народа», но такой словесной энергетикой, как «самодержавие народа» / «народное самодержавие» они, конечно, не обладали.

Л.А. Тихомиров, да и остальные теоретики «Народной воли», по справедливому утверждению С.С. Волка, «хорошо не представляли себе будущего революционного государства. Недооценивали они и лозунг республики. Они мечтали сразу же создать общенародное государство, в то время как единственно возможным в то время было государство классовое. Они мечтали о социалистическом государстве, но в действительности в России могло утвердиться только государство буржуазно-

[19] Литература социально-революционной партии «Народной Воли». [СПб.], 1905. С. 583-584.
[20] Там же. С. 168.
[21] Литература социально-революционной партии «Народной Воли». С. 291.
[22] Там же. С. 661.

демократическое…»[23]. После 1 марта 1881 г. стало понятно, что «свержение самодержавия» – всего лишь лозунг, а не программа: неясно не только, что будет потом, но и что, собственно, означает это «свержение». Впрочем, российская действительность едва ли поставляла доводы для приложения к ней марксистского анализа, скорее – для революционных доктрин, подобных построениям Ткачева и народовольцев: как писал В.А. Тер-Ваганян, «патриархальное море со слабыми еще признаками капитализма – наша страна не могла не дать богатейшей пищи для самых рискованных теорий и построений, которые никогда бы не возникли, будь у нас классовые отношения более ясными»[24]. Проблема *"lendemain de la revolution"* не имела теоретического разрешения, потому что была неверно сформулирована и поставлена, и так получалось, что любые программы и проекты антисамодержавных сил, партий и движений – по необходимости были утопиями, и дело шло лишь об их большей или меньшей эмоциональности, убедительности, но никак не о приложимости к реальному обстоянию дел (не говоря уж о воплотимости на деле).

После 1 марта 1881 г., осознав, что цареубийство не могло привести к ожидаемому эффекту, и дело не в царствующей личности, а в стоящем за ней государстве, которое она воплощает. Тихомиров и ряд других идеологов и теоретиков «Народной воли» усиливают «государственнический элемент» в своей доктрине и, подчеркивая приверженность цели государственного переворота, необходимости захвата государства в свои руки для установления желаемого курса (своеобразная «перенастройка государства» как единственного и всемогущего «мотора» российской жизни), отчасти склоняются к якобинизму в своей новой риторике; что же до «передачи власти народу», этот тезис затушевывается. В знаменитом «Письме Исполнительного комитета Народной воли заграничным товарищам», составленном Тихомировым в конце 1881 г., девизом которого служат слова *«переворот государственный – это наше "быть или не быть"»*, говорится: «Что касается нашего якобинизма, то опять не знаем, как сказать. Беда с этими иностранными словами. <…> Во-первых, слово "якобинизм" в России очень *загажено болтунами*, а потому, что бы оно ни означало, мы себя якобинцами *называть не согласны*. Затем, мы по убеждениям и стремлениям *государственники*, т.е. признаем за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность. Это сила, а потому она должна быть умно организована. Государственная власть была, есть и будет, вероятно, всегда. Поэтому мы обращаем на ее организацию такое же внимание, как на организацию экономических отношений. Революция совершится только тогда, когда власть эта будет в хороших руках, а посему мы и стремимся захватить ее, так как народ, пока он раб тысячи других

[23] *Волк С.С.* Народная воля. С. 209.
[24] *Ваганян В.* Г.В. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений. М., 1924. С. 264.

условий, ее все равно не удержит»[25]. Именно *эта* установка, которая в дальнейшем получит углубленную проработку в народовольческой мысли Тихомирова, а вовсе не политические экзерсисы П.Н. Ткачева или «уроки» М.П. Голубевой (Ясневой), станет отправной точкой для доктрины Ленина. В подходе к проблеме самарского периода, конкретно о влиянии на Ленина общения с якобинкой Ясневой, имеются, как это часто встречается, две крайние точки зрения – «валентиновская» и «уламовская». Н.В. Валентинов придает встречам Ленина с Ясневой огромное значение, полагая, что именно она сориентировала Ленина в направлении к якобинству. А. Улам совершенно исключает какое бы то ни было воздействие Ясневой: «Нет никаких причин приписывать незначительной инакомыслящей женщине такое решающее влияние»[26].

«Да вы настоящий народоволец!» (Тихомиров – Плеханову)

В «Наших разногласиях» Плеханов подвергает острой критике концепцию, изложенную в статье «Чего нам ждать от революции?». В зоне *особого* внимания Плеханова – народовольческий концепт Тихомирова «самодержавие народа» («народное самодержавие»). Идею о том, что «верховная власть есть представительство общенародное, а отнюдь не классовое», идеолог марксизма отвергает «с порога»: «Этим-то убеждением в общенародном характере нашей верховной власти и укрепляется вера г. Тихомирова в недалекое торжество народоправления. Переход к последнему от самодержавия царей “не составляет чего-нибудь оригинального (?). Французский народ так же точно от идеи о самодержавном короле, способном говорить l’état c’est moi, перешел без затруднения (?!) к идее о peuple souverain. Господство самодержавного народа там не могло фактически установиться, благодаря силе буржуазии”; у нас нет буржуазии, поэтому ничто не мешает у нас торжеству народоправления»[27].

Марксист Плеханов не мог принять теорию, не базирующуюся на аксиоме классовой борьбы, но исходящую из общенародных принципов или вообще апеллирующую к народу. Соответственно, гипотетический переход от «самодержавия царя» к некоему неопределимому в марксистской теории «самодержавию народа» – это для марксиста совершеннейшая бессмыслица, недостойная даже и того, чтобы говорить о ней. Буржуазная революция, пролетарская революция, диктатура пролетариата – таков, и только таков ход истории согласно марксистской мысли, не принимающей всерьез единства народа, сжигающей единство народа в вечном гераклитовском огне классовой борьбы. Надо заметить, что идея о надклассовой/внеклассовой, народной природе самодержавия возникает незадолго до описываемых

---

[25] Революционное народничество 70-х годов XIX века. Том II. 1876-1882 гг. / Под ред. С.С. Волка. М.; Л., 1965. С. 320-321.
[26] *Улам А.Б.* Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004. С. 102.
[27] *Плеханов Г.В.* Соч. Т. II. С. 282.

споров, она активно развивается в трудах С.М. Соловьева и будет углублена В.О. Ключевским; уже в первой трети XX в. «внеклассовое государство» подвергнется жесткой критике, если не осмеянию, в работах М.Н. Покровского, затем на некоторое время (около 2-й пол. 40-х гг.) будет реабилитирована Сталиным – с тем, чтобы стать дополнительным историческим обоснованием постулирования «всенародного государства» в 1947 г.

Капитализма не миновать, утверждает Плеханов, восставая против постулирования Тихомировым «самодержавия народа» как будущего политического состояния России после переворота. «…Народ разочаровывается “в самодержавии царей” лишь там, где экономические отношения его утрачивают свой первобытный характер и становятся более или менее буржуазными; но одновременно с этим начинает приобретать силу и буржуазия, т.е. становится невозможным и непосредственный переход к самодержавию народа»[28], – говорит Плеханов и выставляет кардинально важный тезис: когда «взаимные отношения общественных классов станут резко определенными, место “народа” займет рабочий класс, и народное самодержавие превратится в диктатуру пролетариата»[29]. «Народное самодержавие» по неясной причине не закавычивается Плехановым, хотя логично было это сделать. Что же до сведения «народа» к «пролетариату» – эта идея будет в высшей степени развита Лениным и Сталиным (но первым, как видим, столь неожиданный теоретический скачок сделал Плеханов). Тихомиров выдвигает против Плеханова и его коллег-марксистов справедливое обвинение в «желании создать класс, от имени которого он сможет действовать, – пролетариат…»[30]. Он саркастически говорит, как бы следуя логике плехановцев и доводя ее до абсурда (впрочем, до абсурда ли?): «Будучи последовательным и ставя интересы революции выше своей личной нравственной чистоплотности, социалист тут должен был бы вступать прямо в союз с рыцарями “первоначального накопления”…»[31].

Итак, Г.В. Плеханов с марксистских позиций подвергает теоретическому разгрому идею народного самодержавия в квазиякобинском памфлете Л.А. Тихомирова – классическое идейное столкновение идеологов марксиста и народовольчества, не более. Но при этом Плеханов выделяет формулу «самодержавие народа», ставит ее в особый порядок, откладывает в свой идейный багаж. В чем тут дело? Каковы причины, побудившие отца русского марксизма не пройти мимо в высшей степени немарксистского концепта? Марксизм с его пролетарским гегемонизмом совершено не приемлет никакого «самодержавия народа». Даже и в словесном отношении эта формула звучит как контрмарксистская (как и «всенародное

[28] *Плеханов Г.В.* Соч. Т. II. С. 286.
[29] Там же. С. 287.
[30] *Бэрон С.Х.* Г.В. Плеханов. С. 125.

[31] *Тихомиров Л.* Чего нам ждать от революции? С. 1.

государство»). Несмотря на все это, Плеханов все же берет ее на вооружение, при том, что в теории же для него «самодержавие народа», равно как и «диктатура народа», – одинаково бессмысленные словосочетания.

При всем ригоризме отрицания Плехановым народничества, нельзя сказать, чтобы в переходе к марксизму он полностью оставил идейную систему, которую разделял до марксизма; нельзя утверждать также и полное его «антинародовольчество»: недаром, видимо, однажды (в 1882 г., если точно) Тихомиров сказал ему: «Да вы настоящий народоволец!». Глубинное, не изжитое до конца народничество продолжало довлеть над его политической мыслью, и причина приятия им народовольческой политической максимы «самодержавие народа» безусловно с этим связана. «Освобождение» от народнических идей проходило у Плеханова довольно-таки мучительно: ему до конца так и не удалось отвергнуть народничество и принять всецело марксизм. Именно отсюда проистекает, как представляется, известная догматичность плехановской мысли, отмечаемая многими современниками, особенно Тихомировым. Догматизм – хорошее лекарство от смятения мысли и сомнений, но мысль и сомнение все же сильнее «непререкаемых истин».

Но есть и одно конкретное обстоятельство. Плеханов искал замену тезиса о «прямом народном законодательстве», выдвинутом им в двух программах, разработанных и опубликованных в 1883-1888 гг.: «Программа социал-демократический группы “Освобождение труда”» (напис. в 1883 г., опубл. в 1884 г.) и «Второй проект программы русских социал-демократов» (напис. в 1887 г., опубл. в 1888 г.). Принцип прямого народного законодательства фигурирует также в работе «Социализм и политическая борьба» (1883), первой полемической работе мыслителя, написанной с марксистских позиций и направленной против народнических идей. Дело тут, понятно, не в простой «словесной рокировке». В первом документе Плеханов выдвигает тезис о неизбежности устранения в результате уничтожения капитализма «современной системы политического представительства и замены ее *прямым народным законодательством*»[32]. Во втором тексте идея разворачивается: «Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений. Заменяя современное господство продукта над производителем господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел. Это непосредственное участие граждан в заведовании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее *прямым народным законодательством*»[33]. В «Социализме и политической борьбе» говорится:

[32] *Плеханов Г.В.* Соч. Т. II. С. 358.
[33] Там же. С. 400.

«…Представительная (монархическая, или республиканская) система была детищем буржуазии, пролетариат требует *прямого народного законодательства* как единственной формы, при которой возможно осуществление его социальных стремлений»[34]. – Что же получается: осуществление стремлений пролетариата требует политической актуализации античного полиса с его исополитией?

Лидер группы «Освобождение труда» в «Социализме и политической борьбе» называет источник идеи прямого народного законодательства – это малоизвестный даже в те времена немецкий социал-демократ Мориц Риттингаузен, автор книги «Прямое законодательство»[35]; понятно, что Плеханов, прикрываясь немецким идеологом, проводит концепт, созвучный народническим (то есть вполне дорогим ему) идеям. Одновременно – вспомним вышеприведенные слова Тихомирова *«идеалом его были, конечно, немецкие социал-демократы»* – Плеханов следует линии германской социал-демократии в поддержке постулата прямого народного законодательства, выставленного в Готской программе (1875), за которой в этом отношении последует Эрфуртская (1891), а Парижский конгресс II Интернационала (1900) «суммирует»: «Считая народ самодержцем и полагая, что прямое народное законодательство составляет принадлежность самодержавия народа, конгресс провозглашает необходимость обеспечить осуществление этого самодержавия народа посредством народных прав – инициативы и референдума»[36]. – И это то, против чего возвысил свой голос Маркс, который хотел бы видеть гегемоном политики и истории не некий непонятный для него и диффузный «народ» (которых, ко всему прочему, в Европе было немало; правда, меньше, чем полисов в древней Элладе), а *единый* в рамках европейской цивилизации *мессианский класс* – пролетариат. Марксова критика Готской программы, в которой фигурировало «прямое народное законодательство», была опубликована Ф. Энгельсом в начале 1891 г.[37], и эта критика, помимо иных обстоятельств, стала непреодолимым препятствием для сохранения тезиса прямого народного законодательства в новой программе для *новой партии* («партии нового типа»), так что пришлось искать ему достойную концептуальную замену (которая у Плеханова была уже наготове). «Прямое народное законодательство» вызвало позже резкую критику Ленина, который в полном соответствии с буквой учения Маркса и Энгельса в 1899 г. писал, что этот пункт не следует вносить в программу, так как «принципиально связывать победу социализма с *заменой* парламентаризма прямым народным законодательством – нельзя»[38]. – Нельзя, ибо «народ» может пониматься только как пролетариат par excellence, или вовсе выводиться за рамки доктринальных конструкций марксистов.

---

[34] Там же. С. 55.
[35] См.: Там же. С. 35, 126.
[36] Цит. по: *Тахтарев К.М.* От представительства к народовластию. С. 216.
[37] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Критика Готской программы. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. М., 1959. С. 30, 40, 58, 65.
[38] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1959. С. 223.

Итак, Плеханов, надо полагать, из желания избежать критики, но не будучи в состоянии легко расстаться с тезисом «прямого народного законодательства», который явным образом контрастировал с максимой диктатуры пролетариата, искал замену, – которая уже была в его идеологическом багаже. Конечно, он не мог также не быть прельщенным силой и красотой звучания народовольческой максимы «самодержавие народа». Совершив вполне равнозначную (и даже более удачную по *звучанию*) замену, в 1902 г., разбирая значение программы группы «Освобождение труда» в «Комментарии к проекту программы РСДРП», Плеханов напишет: «Программа группы "Освобождение Труда" и до сих пор не может быть названа устарелой. Правда, в ней есть два пункта, которые… не выдерживают критики с точки зрения "ортодоксального" марксизма: прямое народное законодательство и государственная помощь производительным товариществам рабочих во всех отраслях нашего народного хозяйства»[39]. Иными словами, теоретик был вдохновлен идеей прямой демократии, но вынужден был заменить только ее *словесную* форму; второй пункт, надо заметить, также близок к народническим политическим установкам.

В «Комментарии к проекту программы РСДРП» Плеханов проводит идею «самодержавия народа»: «…Мы будем проповедовать идеи республики "республиканской"; мы хотим истинно демократической республики, на деле, а не только на бумаге обеспечивающей политическое самодержавие народа»[40]. Но к чему такая «борьба за народ»? Разве народ – idée fixe для Плеханова? Разве Плеханов – подобно Руссо – поклонник античных политических форм, и над ним довлеют образы античной агоры? Если Тихомиров ставит народ на пьедестал истории, то для Плеханова, как и для любого марксиста, народ – не более чем фикция, а реальны лишь классы (прежде всего – пролетариат, «самый реальный» класс), – и так два мыслителя *должны* говорить на разных языках. Но вот, рассуждая о пролетариате и о подобающем ему *будущем* общественном устройстве, Плеханов …возвращается к народу, требуя его «политического самодержавия». Общество грядущего торжества социализма рисуется у Плеханова в народнических тонах, иначе не ясны причины его упорства в проведении и защите концептов «прямого народного законодательства» и «самодержавия народа».

Дело, конечно, не только в «подспудном народничестве» Плеханова, от которого тот хотел бы во что бы то ни стало откреститься. Дело тут еще и в том, что народничество, как результат идейно-политической трансформации славянофильства в основном за счет усиления «государственного подхода», в своих основных постулатах было крепко впечатано в политическую мысль России, глубоко укоренено в ней, выражало ее фундаментальные интенции, – так что при всем своем подчас навязчивом желании «европеизировать»,

[39] *Плеханов Г.В.* Соч. Т. XII. М.; Л., 1925. С. 213.
[40] *Плеханов Г.В.* Соч. Т. XII. С. 238-239.

«марксизировать» якобы «деспотичную» Россию, избавив русскую мысль от архаики и «иррациональности», Плеханов не удаляется от народничества настолько далеко, чтобы стать «чистым марксистом».

Что касается субстанциальной близости народничества, особенно народовольчества, и большевизма, – то серьезная постановка этой темы является, пожалуй, одной из самых сложных задач в науке об истории российских политических учений. Вскользь можно сказать разве что о том, что концептуальная и прямая текстуальная зависимость Ленина от народовольческих текстов – несколько большая, чем принято признавать; а также привести неожиданное высказывание Плеханова, сказанное в один из последних дней мыслителя: «Ленин, Троцкий и другие, двадцать лет шедшие с марксистами, в сущности, сделались народниками после Февральской революции. Они действуют по программе Л. Тихомирова…»[41]. – И уточнить в отношении Ленина: сделался или *был?* – и адресовать этот вопрос обратно самому Плеханову.

Как известно, около 1902 г. Ленин пересматривает роль государства в России, отбрасывая классовую трактовку и выдвигая тезис о самодержавии как о «самостоятельной организованной политической силе». Он принимает установку о возможности и необходимости захвата этой силы с тем, чтобы проводить выставляемые преобразования[42]. Но ведь этот подход к российскому самодержавному государству был разработан народовольцами: так, в № 1 (1879) вестника «Народная воля. Социально-революционное обозрение» читаем: «Нам кажется, что одним из важнейших чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают внимание наше от этого важного вопроса. А между тем именно у нас, в России, особенно не следовало бы его игнорировать. Наше государство – совсем не то, что государство европейское. Наше правительство не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а есть самостоятельная, для самой себя существующая организация, иерархическая, дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в экономическом и политическом рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплуататорских классов». В № 2 (1879) «Народной воли» практически в славянофильском ключе говорится: «История создала у нас, на Руси, две главные самостоятельные силы: народ и государственную организацию»[43].

В отношении Плеханова к концептам и лозунгам наблюдается интересная закономерность: он предлагает потенциально сильные разработки, но не может правильно распорядиться ими. Это проявилось в истории с «самодержавием народа», но не менее ярко – и в истории с

[41] Цит. по: *Бэрон С.Х.* Г.В. Плеханов. С. 439.
[42] *Ингерфлом К.С.* Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993. С. 211-213.
[43] Литература социально-революционной партии «Народной Воли». С. 7, 75.

концептом «гегемония пролетариата». Плеханов первым выдвигает эту идею – для устранения теоретической бреши между целью пролетариата (социалистическая революция) и его ролью в предстоящей буржуазной революции (не «прислуживая» буржуазии в *«ее»* революции, но и не «пугая» ее, проводить – неясно как – свою линию). В итоге «гегемония пролетариата» свелась у Плеханова к малозначительному и невнятному «духовному лидерству», к некоей «платонической» гегемонии. Ленин, перехватив этот концепт, превратил его (как и «самодержавие народа») в настоящий боевой лозунг, «лозунг действия», ударный концепт.

Какими бы соображениями ни руководствовался Плеханов, но концепт «самодержавие народа» оказался достаточно удачно вписан в Первую программу РСДРП и был результативно использован в революционные 1905-1907 гг. Однако «параллельно» развитию в партийной риторике и «применению» в практике большевиков концепт развивался и в творчестве Л.А. Тихомирова.

«Самодержавие народа» у Л.А. Тихомирова

Часто говорят о «двух жизнях» Льва Тихомирова, о «двух Тихомировых»… Несмотря на все жизненно-политические коллизии Льва Александровича Тихомирова, мы ясно видим перед собою *одного* политического *мыслителя*, удивительно логичного и последовательного в своей философско-политической мысли.

После 1888 г. Л.А. Тихомиров, как известно, переходит на позиции монархизма, «самодержавия царя». Казалось бы, с переходом в монархический лагерь Тихомиров должен был отказаться не только от *руссоистско-народнической* трактовки и политической постановки «самодержавия народа», – логичным шагом было бы вообще отвергнуть сам концепт, не использовать его впредь. Однако мыслитель этого не делает. Концепт «самодержавие народа» наполняется у него постепенно другим смыслом – монархическим; прежний же смысл сохраняется подспудно, и в ходе размышлений о событиях 1905-1907 гг. начнет, пожалуй, даже теснить монархическую трактовку. И так, по мере того как выявляется беспомощность и политическая немощь действующего монарха, концепт в сочинениях Тихомирова заново наполняется «старым», руссоистско-народовольческим смыслом, с тем, чтобы превратиться в новый идейно-политический синтез.

После своего духовного поворота мыслитель приходит к выводу, что *воля народа* России требует (точнее, требовала всегда) самодержавной монархии. Настоящее самодержавие народа в каком-то таинственно-истинном смысле – и *есть* самодержавие монарха, ведь единство народа может быть осуществлено только его личностью. В работе «Почему я перестал быть революционером» (1888) он утверждает: «…Можно услышать множество фраз о “возвращении власти народу”. Но это не более как пустые слова. Ведь народ об этом нисколько не просит, а, напротив, обнаруживает

постоянно готовность проломить за это голову “освободителям”. <…> Русский Царь не похищает власти; он получил ее от торжественно избранных предков, и до сих пор народ, всею своею массой, при всяком случае показывает готовность поддержать всеми силами дело своих прадедов»[44].

Воля русского народа, согласно «новому Тихомирову», состоит в том, чтобы во главе его стоял царь, и только таким образом, т.е. в лице Государя, народ может быть политическим единством. Эта *volonté générale* русского народа уже воплощена, и никаких «свобод», никакой «власти» возвращать народу нет нужды: народ *свободно* и *своей властью* воздвиг над собой и для себя «самодержавие царя». Так *настоящее* самодержавие народа своею самодержавной (суверенной) волей ничего иного не утверждает, кроме как самодержавия царя, а ставить вопрос об ограничении монархии – значит ставить вопрос об ограничении воли народа: «Я смотрю на вопрос о самодержавной власти так. – Прежде всего, это такой результат русской истории, который не нуждается ни в чьем признании и никем не может быть уничтожен, пока существуют в стране десятки и десятки миллионов, которые в политике не знают и не хотят знать ничего другого. Непозволительно было бы не уважать исторической воли народа, не говоря уже о том, что факт, очень прочный в жизни его, всегда имеет за себя какие-нибудь веские основания. Поэтому всякий русский должен признать установленную в России власть и, думая об улучшениях, должен думать о том, как их сделать с самодержавием, при самодержавии»[45]. – Или также в работе 1895 г.: «Русский самодержавный строй не есть какая-нибудь завоевательная деспотия, а строй глубоко *национальный,* он держится не на рабском подчинении ничего не знающих и ничего не сознающих людей, а есть сознательное достояние русского народа, свято им хранимое и благополучно пронесенное сквозь долгие и тяжкие испытания истории»[46].

В трудах Тихомирова монархического периода термин «самодержавие народа» рисуется необычным, отчасти неожиданным образом: концепт не отвергается, но уже и не сводится к демократии западного типа, скорее даже резко отдаляется от нее; руссоизм в трактовке формулы «самодержавие народа» внешне почти пропадает (во всяком случае, до 1905 г.). Даже когда в письме на имя императора Александра III он пишет: «…Самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь», – мыслитель дает понять, что ложью является не самодержавие народа *само по себе*, но именно то, о котором он когда-то мечтал (т.е. сведенное к власти народа). Однако при всем этом «самодержавие народа» и «самодержавие монарха» нигде явно и не отождествляются. В ситуациях, где эти «два самодержавия» поставлены рядом, – «самодержавие народа» подается мыслителем особым, отличным от более ранней постановки

[44] *Тихомиров Л.* Критика демократии. Статьи из журнала «Русское обозрение». 1892-1897 гг. М., 1997. С. 37.
[45] *Тихомиров Л.* Критика демократии. С. 46-47.
[46] Там же. С. 215-216.

образом: так, в статье «Самодержавие и народное представительство» (1907), отстаивая возможность и необходимость народного представительства в самодержавной монархии, Тихомиров без всяких противоречий со своей теорией единственности верховного принципа власти (в данном случае монархического), говорит: «Мнение, будто бы народное представительство неизбежно ведет к полному упразднению Царского Самодержавия, основано на том, что народное представительство понимается исключительно в смысле выражения верховной власти народа. Разумеется, вводимое в этом смысле, оно исключает царскую власть, ибо двух верховных властей одновременно не может быть в государстве»[47]. – Здесь мыслитель не использует выражение «самодержавие народа», но пишет «верховная власть народа».

Понятно, что «самодержавие народа» существует *не наряду* с «самодержавием царя», ибо двух верховных властей в одном государстве быть не может. Божественное поставление предшествует (все)народному избранию: так, Л.А. Тихомиров в работе, посвященной Учредительной грамоте 1613 г., которую он оценивает как «документ, не имеющий себе равного во всемирной государственно-правовой созидательной деятельности», – отмечает, что в этом документе «всемерно подчеркнуто, что Михаил Федорович поставляется на царство по избранию Божиему, а лишь затем и по избранию всего русского народа»[48]. Можно представить самодержавие народа как предшествующее самодержавию царя; но вот в некий момент самодержавный народ переносит свою власть (самодержавие), всю без остатка, на царя (римско-византийская политическая постановка). И так получается, что «два самодержавия» *в этот* момент и в дальнейшей истории – тождественны по существу. Царь поставляется не народною волей, а Богом, но *избирается* все-таки *всем народом* – впервые или при утверждении новой династии. Самодержец в этой конструкции представляется как «политическая энтелехия» народа.

Что же можно сказать о монархии как о *принципе верховной власти*, каков источник монархии как *типа верховной власти*? Это, без сомнения, народ. Как же следует понимать народ в качестве источника верховной власти? В работе «Единоличная власть как принцип государственного строения» можно прочитать: «Нередко высказывается, что *первоисточником* верховной власти служит все-таки “народ”. Эта мысль залегла в политическом учении Руссо, но она верна лишь в том случае, если мы под словом “народ” будем понимать не численную “массу”, а “нацию”, как преемственно живущее коллективное целое. Нация, то есть народ, внутренне слившийся в нечто целое, с известными привычками, традиционным опытом, общим характером, с известным духом и миросозерцанием, то есть, стало быть, с известными *идеалами*, – эта нация есть первоисточник власти»[49]. Несложно увидеть, что здесь народ понимается совсем не так, как его

[47] *Тихомиров Л.А.* Монархическое начало власти. М., 2018. С. 324.
[48] Там же. С. 414-416.
[49] *Тихомиров Л.А.* Монархическое начало власти. С. 84-85.

понимает Руссо: Тихомиров трактует народ в его нерасторжимой связи с историей, с динамикой исторического развития, то есть совершенно иначе, чем это делает Женевский гражданин. Русский мыслитель, подданный его Императорского Величества, не говорит о народе-суверене, который собирается на форуме и своей волей (*volonté générale*) *решает*, что установить – республику, или, допустим, монархию. «Нация, то есть народ, внутренне слившийся в нечто целое», *определяет* тип верховной власти, но не собирается на агорах или форумах и не принимает политических волевых *решений*. Впрочем, надо усиленно подчеркнуть то, что и Тихомиров (монархического периода), и Руссо не сводили специально народ к неимущим и малоимущим слоям («трудящимся», как это будут делать большевики). Народ для них – при всех концептуальных различиях и нюансах в подходе к «политическим подразделениям» народа – всегда политически интегральное целое; в нем нет и не может быть имманентно «враждующих сторон»; у Руссо народ един своей интегральной волей (*volonté générale*), в своей суверенности; у Тихомирова народ един в лице Царя.

Как происходит в политической мысли Тихомирова «возвращение к руссоизму» и имеем ли мы здесь дело с интеллектуальной révérence? – «О тихомировской эволюции от монархизма обратно к идеям общественного договора в духе Ж.-Ж. Руссо, которых Лев Александрович придерживался во времена революционной молодости, – утверждает С.В. Чесноков, – мы можем доказательно говорить, начиная с революции 1905-1907 гг.»[50]. Эту обратную идейную эволюцию исследователь констатирует на основании дневниковых записей и писем Тихомирова. Так, в письме А.С. Суворину 1906 г. Тихомиров признает: «Что касается устройства России, то на это может быть компетентным только одна власть – Земский собор. <…> Предмет Собора: специальный вопрос о Верховной власти. Какую пожелает Собор, такую и установит, дальнейшую конституцию уже потом строить, когда народ решит вопрос о сущности, т.е. Верховной власти». – В дневниковой записи от 1917 г. мыслитель восклицает: «…Русский народ не имеет надобности, чтобы получать от кого-либо Верховную власть: он сам по себе ее имеет и может взять от “доверенного” (т.е. Царя), когда ему это покажется нужным»[51]. – Опять из дневников 1905-1907 гг., запись 1905 г.: «Захочет русский народ, так восстановит монархию, а теперь ее все равно нет»[52]. Эта идея проводится в высшей степени настойчиво.

Нельзя не признать, что эти неожиданно возникающие мысли контрастируют с фундаментальными максимами Тихомирова-монархиста. Но возвращения к прежнему Тихомирову-народовольцу, к первоначальному

---

[50] *Чесноков С.В.* Эволюция государствоведческих взглядов Л.А. Тихомирова в свете критики «хомяковского» православия П.А. Флоренским // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. № 2. С. 211.

[51] Цит. по: Там же. 211-212.

[52] Дневник Л.А. Тихомирова. 1905-1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 94.

руссоистскому импульсу «самодержавного народа», – всецело признать нельзя. Дело не в том, что записи дневниковые, т.е. не предназначенные для выражения теоретических изменений. И не в том, что, когда писались дневники 1905-1907 гг., – в то же самое время мыслитель был занят изданием «Монархической государственности». И даже не в том, под народом Тихомиров понимает не «народ-суверен» в стиле Руссо, а «преемственно живущее коллективное целое», нацию в ее исторической динамике. В чем же?

В дневниковых записях 1905-1907 гг. отражен весь ужас мыслителя перед падением монархии, отсутствие перспектив для государства при столь слабом монархе, каким являлся император Николай II; эти же идеи, но в сглаженном и завуалированном виде присутствуют и в печатных работах Тихомирова. Может быть, дело не в конкретном императоре, а в самом монархическом принципе? Где же выход? Он – в «спасающей личности». В записи 1906 г. Тихомиров утверждает, что «спасти положение могли бы только люди гениального ума и энергии»; «Нужен великий человек…»[53]. После разговора со Столыпиным в 1907 г. он записывает: «Сегодня был у Столыпина… <…> Я обрисовал положение России, ее нравственное состояние, указал, что она ждет вождя, который бы сказал: "Прошлое, с его падением, кончено; начинается новая эра", и повел бы за собой сплоченные национальные силы. <…> Тот вождь, который нужен России, должен сомкнуть около себя товарищей, проникнутых тем же новым духом, и сразу систематически двинуть работу возрождения России»[54]. Идея «спасающей личности» развивается в дальнейшем творчестве Тихомирова: вот в статье, которая так и называется – «Спасающая личность и спасающая идея» (1912) – говорится: «Можно сказать не обинуясь, что Россия теперь жаждет появления *спасающего человека*. Она ищет его, тоскует по нем и малейшее подобие такого человека готова, так сказать, "в кредит" окружить славой. Это настроение видимо нарастает»[55].

Мыслитель не оставляет идею самодержавия народа – ведь вождь может быть вождем только народа (и *его* государства); «спасающая личность» может спасать только свой народ и государство, то есть *самодержавный народ*; но монархический принцип – во всяком случае, в дневниках – совершенно отбрасывается. В дневниковой записи от 3 мая 1916 г., исходя из того факта, что «долголетняя глупая политика привела Россию к одному из страшных кризисов ее Истории», Тихомиров, по сути дела, отказывается от него: «Это – если не начало конца России, то, конечно, начало огромных внутренних переворотов, орудием которых уже не может быть монархический принцип за неимением в стране доверия к его носителям»[56]. – От 22 октября 1916 г.: «Я – какой-то могильщик. Написал

[53] Там же. С. 249, 287.
[54] Там же. С. 405.
[55] Там же. С. 447.
[56] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915-1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 274.

“Монархическую государственность”, в которой, право, как никто до меня на свете, изложил ее философию. И это явилось в дни смерти монархического принципа. Какая-то эпитафия или надгробное слово на могиле некогда великого покойника»[57].

Можно ли считать ли личные записи политическим вердиктом? – Вот запись от 2 марта 1917 г., и она вполне убеждает в этом: «Я думаю, однако, что было бы практичнее ввести Монархию ограниченную. Династия, видимо, сгнила до корня. Какое тут Самодержавие, если народу внушили отвращение к нему – действиями самого же Царя»[58]. Для Тихомирова самые жесткие заявления о царе, монархии, вплоть до яростных проклятий, едва ли были настолько сильным выражением отвержения монархического принципа, как последняя приведенная фраза об «ограниченной монархии»: сильные выражения, сказанные в сердцах, можно взять обратно или перечеркнуть (поскольку это личный дневник), но здесь мы имеем уже отрешенно-спокойный, вполне научно-политический диагноз. «Я думаю, однако, что было бы практичнее ввести Монархию ограниченную», – это приговор очевидца и глубокого аналитика российскому самодержавию. Дело теперь не в монархии, теперь – спасти бы государство, которое уже мыслится им как *не-монархия*: «Что монархия погибла – это вне сомнения. Но теперь важно, чтобы Россия не погибла» (8 сентября 1915 г.)[59].

В пользу какого иного принципа происходит отказ от монархического? 3 марта 1917 г. Тихомиров записывает – приведем вновь эту цитату: «Русский народ не имеет надобности, чтобы получать от кого-либо Верховную Власть: он сам по себе ее имеет и может взять от “доверенного” (т.е. Царя), когда ему это покажется нужным»[60]. Приходит ли Тихомиров к славянофильской постановке источника царской власти, в особенности сильно выраженной А.С. Хомяковым и не менее сильно подвергнутой критике П.А. Флоренским[61] (и вслед за ним – монархистом С.В. Фоминым, усомнившемся в тихомировском монархизме[62])? Совершенно ясно, что Тихомиров ищет не нового *царя* («доверенного», но этого доверия не оправдавшего) взамен Николая II, но именно нового *вождя*, Так отвергается монархический принцип, и вводится в силу новый, *монократический* принцип верховной власти, причем этот принцип, в полном соответствии с общей теорией верховной власти (народ как нация есть ее источник) Тихомирова, производен от народа.

В дневниках 1915-1917 гг. усиливается риторика «спасающей личности»: мыслитель в высшей степени настойчив в проведении этой идеи.

---

[57] Там же. С. 296.
[58] Там же. С. 348.
[59] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915-1917 гг. С. 121.
[60] Там же. С. 351.
[61] См.: *Флоренский П.А.* Около Хомякова (Критические заметки) // Флоренский П.А., священник. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996.
[62] См.: Из дневника Л.А. Тихомирова / Фомин С.В. // …И даны будут жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002.

«Теперь нам нужен диктатор, а мы вместо этого создаем анархию» (26 августа 1915 г.)[63]. – Верит ли Тихомиров в «спасающую личность»? Да, верит, но пришествия ее не наблюдает: «Если бы Бог послал человека, которому народ поверил – вся Россия бы воскресла. Но такого спасающего человека – нет, явно и очевидно нет» (16 октября 1916 г.)[64]. – «Тут нужен гениальный деятель, который бы умел понять идею времени и положения, и осуществить ее, не допуская страну до развала. А такого деятеля нет» (21 июля 1917 г.)[65]. «Гениальный деятель», «вождь», «диктатор» – в нем видит мыслитель спасение для России, но конкретного воплощения не находит (или не хочет признать, что нашел). Однако история и народ России такую личность, «спасающую личность», вождя и диктатора, выдвинули, и это – Ленин.

[63] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915-1917 гг. С. 106.
[64] Там же. С. 295.
[65] Там же. С. 361.